

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008.009

Чжэн Тиу
М. Г. Пономарева

<https://orcid.org/0000-0002-9562-5323>
<https://orcid.org/0000-0002-3908-6193>

«Ярославский текст» в творчестве А. Ф. Иванова-Классика

Для цитирования: Чжэн Тиу, Пономарева М. Г. «Ярославский текст» в творчестве А. Ф. Иванова-Классика // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 2 (4). С. 75-86. DOI 10.20323/2658-7866-2020-2-4-75-86

Статья посвящена проблеме «ярославского текста» в творчестве мало известного сейчас поэта ярославского происхождения А. Ф. Иванова, который первоначально следовал традициям некрасовской школы, однако с течением времени начал занимать более консервативную позицию, что отразилось и на эмоциональном настрое его поэзии. Образ родной земли как ключевой компонент ярославского культурного текста характерен для большинства поэтов демократического направления и понимается ими как образ малой родины. В большинстве произведений это образ включает в себя реалии детства в деревне, тяжелого сельскохозяйственного труда крестьян, пейзажи средней полосы России но лишен конкретных географических реалий, имеет обобщенный характер. Ранняя лирика А. Ф. Иванова-Классика наряду с обобщенным и «размытым» образом «родной земли» с традиционными «бедными деревнями» и «тощими полями» базируется на детских впечатлениях от жизни в деревне (вспоминает умершего деда, старый родительский дом). В его произведениях появляется большое количество топонимических реалий, однако объектом творческой рефлексии становится не родная деревня в Любимском районе Ярославской губернии (ни одного упоминания), а Ярославль – крупный город, но по значимости мало отличающийся от расположенного недалеко Рыбинска. Ярославль для А. Ф. Иванова-Классика – город, расположенный на Волге, связанный с героическими страницами прошлого России. «Ярославский текст» лирики поэта, несмотря на то, что имеет автобиографическую основу, скорее «моделируется» автором, чем возникает в результате личностной рефлексии о своем прошлом.

Ключевые слова: «ярославский текст», А. Ф. Иванов-Классик, образ «родной земли», топонимика, демократическая поэзия 70–80-х гг. XIX века, аллегория.

Zheng Tiwu, M. G. Ponomareva

“Yaroslavl text” in the work of A. F. Ivanov-Classic

The article is devoted to the problem of “Yaroslavl text” in the work of a little known now poet of Yaroslavl origin A. F. Ivanov who initially followed the traditions of Nekrasov school but later began to support a more conservative position which reflected on the emotional mood of his poetry. The image of a homeland as a key component of Yaroslavl culture text is typical for the majority of poets of democratic directions and is understood by them as the image of “small homeland”. In the majority of his works it is the image which comprises the village childhood reality, hard agricultural labour of peasants, middle strip of Russia landscapes, but deprives specific geographical realities, has a generalizing character. A. F. Ivanov-Classic's early lyrics together with a generalizing and “diffused” image of “a homeland” with traditional “poor images” and “thin fields” is based on his childhood impressions from the life in the village (he recalls a late grandfather, an old parents' house). In his works there are a lot of toponymic realities, but the object of his creative reflection is not his native village in Lubim region of Yaroslavl province (not a single mentioning) but Yaroslavl a big city but it doesn't differ much in importance from a nearby situated Rybinsk. Yaroslavl for A. F. Ivanov-Classic is the city situated on the Volga connected with heroic pages of Russian past. “Yaroslavl text” of a poet's lyrics in spite of this fact that it has an autobiographical basis is “modeled” by the author but does not appear in the result of a personal reflection on his own past.

Key words: “Yaroslavl text”, A. F. Ivanov- Classic, a “homeland” image, toponymy, democratic poetry of the 70-80-s of XIX c., allegory.

Алексей Федорович Иванов (1841–1894), более известный как писатель и поэт Иванов-Классик, прославился прежде всего благодаря своим юмористическим стихам и сатирическим куплетам. Он активно сотрудничал с юмористическими журналами, в том числе с «Искрой» В. С. Курочкина (см. вступительную статью И. Ямпольского [Лейкин, 2003]), но более всего отдавал предпочтение «Петербургскому листку», одному из самых популярных бульварных изданий, ставившему перед

собой цель описания «животрепещущих» [Цит. по: Иванов, 1891, с. 7] новостей городской жизни. Его произведения, по свидетельству Валентина Катаева в повести «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона», были популярны в гимназической и юнкерской среде [Дмитриенко, 2009, с. 488–491].

Алексей Федорович родился в Санкт-Петербурге, но детство мальчик провел в деревне в Любимском уезде Ярославской губернии, там рано научился читать бла-

годаря полуграмотной сестре. В школу он был определен уже в Санкт-Петербурге, а на 11-ом году, когда он выучился читать и писать, отец, имевший к тому времени лавку в Чернышевском переулке, где торговал сукном, решил, что мальчик достаточно сведущ в науке, и стал приучать его к торговле. Рядом с лавкой отца находился книжный магазин, который для Иванова и стал первой библиотекой. Известный в то время журналист Лейкин, бывший другом поэта, пишет об этом так: «Но А. Ф. Иванов жаждал света и приобрел его самообразованием, тайком от отца, путем чтения, иногда по ночам, к которому его пристрастил тот же приказчик-букинист, давая ему для чтения книги из лавки» [Лейкин, 2003, с. 13]. С особым увлечением читал он «классиков» – так именовали в те годы писателей, включенных в смирдинское «Полное собрание русских авторов». Соседи-приказчики из книжного магазина Терского, дававшие ему это издание, в шутку прозвали Иванова «классиком». Позднее это прозвище стало его псевдонимом. Про самого Иванова-Классика Лейкин пишет так: «Это был добрый, чрезвычайно отзывчивый на все хорошее молодой человек <...> Иванов был старше меня года на два, близорукый, небольшого роста, ходил в то время в купеческой фуражке и франтоватостью не отличался, хотя сукно и трико продавал главным образом портным, которых у него

всегда в лавке было много. Это был замечательно симпатичный человек. Когда он говорил, восторгаясь, а он очень часто восторгался, то закатывал глаза, и Жуков прозвал его за это «Авророй». Название «Аврора» осталось за ним до гробовой доски» [Лейкин, 2003, с. 13].

Иванов-Классик принимал активное участие в жизни интеллигенции петербургского общества, не был чужд театральной среды. Так, в журнале «БИРЮЧ Петроградских Государственных театров» были помещены воспоминания В. И. Срезневского «Хороший человек. Л. Л. Леонидов» об артисте Александринского театра: «...в 1888 г., когда в Александринском театре Л. Л. Леонидов праздновал свою “золотую свадьбу” на русской сцене и ему был дан прощальный спектакль, и молодые и старые со товарищи его, и артисты других театров и трупп, и представители литературы, и публика, все единодушно приветствовали старика-юбиляра. И в стихотворении Иванова-Классика, которое читал от театра Корша Далматов, опять мелькнули те же мысли, которые были в словах Бурдина, что он полвека “шел честным, добрым, благородным”, что он

Как артист и человек
Хранил в душе святое пламя
И сохранился среди других
Как “незапятнанное знамя”
Давно минувших светлых дней»
[Срезневский, 1921, с. 224].

В некрологе, который до сих пор остается одним из основных источников сведений о поэте, о его творчестве было сказано так: «Его небольшие, но талантливые произведения изданы отдельными сборниками под заглавием: «Песни Классика» и «На рассвете». В них покойный тепло и искренне, кратко и сжато рисует жизненные картины, метко характеризует типы петербуржцев и едко подсмеивается над людскими недостатками. Он принадлежал к поэтам – газетным работникам, и потому чаще всего посвящал свою музу “злобам дня”» [Языков, 1994, с. 285].

В начале литературной деятельности Иванов-Классик следовал традициям некрасовской школы [Гиппиус, 1966], поэтому советское литературоведение видело в Иванове-Классике прежде всего поэта демократического направления – самая большая подборка его стихотворений из 32 текстов была помещена в сборнике «Поэты-демократы 1870–1880-х годов». В БСЭ он справедливо назван поэтом-самоучкой, чья «обличительная критика господствующих классов» «приближала его к лучшим радикально-демократическим поэтам 60-х годов. Наибольшее значение имели его юмористические стихи, куплеты и песни; другие его стихотворения несамостоятельны и являются большей частью подражаниями Некрасову, Беранже и Гейне. Позднейшие произведения Иванова-Классика Алексея Федо-

ровича обнаруживают временами густой налет верноподданничества и религиозности» [Иванов-Классик Алексей Федорович].

Однако на самом деле стихотворное творчество Иванова-Классика, если не считать многочисленных журнальных публикаций, представлено по крайней мере тремя объемными стихотворными сборниками «Песни Классика» [Иванов, 1873], «На рассвете» [Иванов, 1882] и итоговым «Стихотворения» [Иванов, 1891], сборником путевых воспоминаний «Веселый попутчик», в который вошли «письма с дороги, заметки на лету... и дорожные песни» [Иванов, 1889]. Ввиду малодоступности текстов поэта, а также большого количества слабых текстов, «перепевających» мотивы некрасовской поэзии, поэтическое творчество Иванова-Классика практически никем не исследовалось.

Образ «родной земли», родного края, с которыми связаны многочисленные детские воспоминания поэта, является одним из центральных в его раннем сборнике стихотворений «Песни Классика».

Показательно, что в стихотворениях Иванова-Классика нет топонимических упоминаний о малой родине в Любимском уезде, но родной край предстает именно как деревенский:

В стороне родимой
Встретили меня:
Бедные деревни,
Тощие поля,

Глинистые нивы,
Сырость и туман... [Иванов,
1873, с. 140]

Не может поэт обойти и образ
дороги, достаточно частотный в
лирике этого периода, как было по-
казано в исследовании С. М. Шаки-
рова [Шакиров, 2001].

Обойдя тропинкой узкой
Травку луговую,
Выхожу я на дорогу
Пыльную, большую...
Пролегла она широко
Вольными местами,
А вдали сомкнулась тесно
Чахлыми кустами [Иванов, 1873,
с. 15–16].

Дорога, занесенная «вековечной
пылью», противопоставлена «вдаль
бегущей чугунке», по которой, «по-

кой нарушив стороны дремучей,
пролетел стрелою быстрой паровоз
могучий» [Иванов, 1873, с. 16]. А
вот пыльная дороженька не нару-
шает покоя родного края, но и она:

Много, много в наше время,
Как и в дни былые,
Проводила ты народу
В города большие [Иванов, 1873,
с. 16].

«Родная земля» для него – это
край крестьян-отходников, которые,
как когда-то и его отец, бросают
родную землю и родные семьи для
того, чтобы заработать немного де-
нег. В стихотворении «Памяти ис-
текшего лета» он противопоставля-
ет Петербург, где «в стенах столицы
шумной не много радостей» есть у
бедняков:

...Здесь все заковано в железо и гранит,
И солнце знойное отвесными лучами
На люд трудящийся убийственный палит [Иванов, 1873, с. 60].
и «родные поля»:
Как от родных полей на заработки к нам
В истоптанных лаптях бредут родные гости,
Чтоб лишний грош добыть оставленным семьям... [Иванов,
1873, с. 60].

При этом у поэта мы не встре-
тим стихотворения, в котором был
бы показан крестьянин, пашущий
поле. Образ поля не имеет у него
выявленной связи с мотивом сель-
скохозяйственного труда (однажды
лишь упоминаются «тощие поля»
[Иванов, 1873, с. 140]), что было
характерно для демократической
поэзии, и скорее восходит к фольк-
лорно-песенному образу «чистого

поля», «раздольного поля»: «...и
стлалась по полю волнистая роса»,
«...и песню вольную в необозри-
мом поле» [Иванов, 1873, с. 92].

В ряде произведений А. Ф. Ива-
нова-Классика «родной край» при-
обретает уже черты всей России.
В стихотворном обращении к «Сло-
ву», открывавшем первый сборник
поэта, он говорит:

Будь смелей ты, слово честности,
Робкой гласности дитя <...>

Появись и с силой новою

Прозвучи в родном краю... [Иванов, 1873, с. 3]

С его точки зрения, честных людей вместе «как прежде сводит вновь чувство честностью обильное к нашей родине любовь» [Иванов, 1873, с. 3].

И поэтому вполне оправданно появление в его произведениях и оппозиции Россия – «заграница». В стихотворении, написанном от имени «энтузиаста», который уверен в том, что если бы он был юмористом, то «мальчишек дерзостных казня, умел бы их на путь наставить» [Иванов, 1873, с. 258], а если бы был публицистом, то в газетах не было бы «пустоты», «была бы музыка не та», ролевой герой вступает в спор с этим «бледнолицым студентом», который уверен, что ход прогресса «скор» как в России, так и за границей. «Энтузиаст» готов «край родимый славить; но иностранца русаком» он не может

«себе представить» [Иванов, 1873, с. 259]. Ролевой герой уверен, что итальянского крестьянина, который «ест макароны, пьет вино и дремлет на прибрежном склоне» [Иванов, 1873, с. 259], невозможно сравнить с русским крестьянином, названном «прямым уродом», так как он:

Брюзжит с нуждою всем знакомой,

И ест быть может круглый год

Кору древесную с соломой,

И даже летом свой тулуп

Не хочет он носить оставить...

[Иванов, 1873, с. 259]

Позиция лирического героя явно не совпадает с позицией этого «энтузиаста» – стихотворение перекликается с некрасовскими произведениями, такими как «Нравственный человек», на что указывает и присутствующий в тексте рефрен «Я не могу себе представить», разоблачающий позицию героя.

Образ «родной земли» в поэзии А. Ф. Иванова-Классика, прежде всего, связан с детскими воспоминаниями:

Я помню, как сквозь сон деревни нашей дальней

Соломой крытых изб убогий длинный ряд,

И в этой бедности с суровостью печальной

Избушки серые, как будто говорят... [Иванов, 1873, с. 92]

Эти воспоминания часто вызывают у лирического героя элегическую ностальгию по родному краю и судьбе всей России, а образ детства становится «полузабытым»,

«исчезнувшим» [Иванов, 1873, с. 92]. Он хотел бы увидеть родную землю обновленной, хотел бы, чтобы в ней крестьяне почувствовали себя по-настоящему свободными:

Но суждено ли мне увидиться с тобой
 Деревня добрая в твоей счастливой доле,
 Лесов заповедных послушать шум живой
 И песню вольную в необозримом поле? [Иванов, 1873, с. 92]

В другом стихотворении, лирический герой, оказавшись в старом доме, вспоминает об уже умершем деде:

Вспоминаю, как порою,
 В вечера глухой зимы,
 В общей комнате семьею
 Для бесед собирались мы <...>
 Дед мой речь ведет протяжно,
 И ругая молодежь,
 По своей оценке важной

Он ее не ставит в грош [Иванов, 1873, с. 63].

Непредсказуем финал стихотворения, где лирический герой хочет «срыть» старый дом, чтобы «на нем легла основа не для слова, а для дел». Публицистический пафос, свойственный возникшей неожиданно аллегории, разрушает психологически убедительный образ детских воспоминаний героя и переводит их в разряд иллюстрации мысли поэта.

В. П. Бурчак в диссертации «Аллегория и ее функции в русской поэзии 1870-х годов: по опубликованным и запрещенным стихам журнала “Дело”» говорит, что «аллегория была “формой времени” и не только потому, что цензурные условия вынуждали к этому, но и как оригинальный прием в поэтике реализма. Она являлась одним из способов раскрытия идеи» [Бурчак, 1998, с. 38]. «Аллегория как речевое

средство способствовала экспрессивности лирических образов, механизму художественного воплощения, определяла установку на ассоциативность восприятия» [Бурчак, 1998, с. 38].

Как замечает В. П. Москвин, о смысле аллегории можно только догадываться. Отсутствие опорного контекста делает аллессию применимой ко многим жизненным ситуациям, конкретным фактам, реалиям, в этом аллессия подобна алгебраической формуле, задающей множество вариантов интерпретаций [Москвин, 1997, с. 38–40]. Однако в стихотворениях А. Ф. Иванова-Классика аллессорический образ обязательно дополняется аллессорическим объяснением (толкованием), что делает и поэтическое высказывание предельно однозначным, и уничтожает саму возможность другой интерпретации образа. Иванов-Классик, обращаясь к этому приему, всегда дополняет художественный образ публицистической идеей «на злобу дня», когда дедовский дом надо разрушить, чтобы его потомки не предавались там бесконечным беседам о том, что же стоит предпринять для того, чтобы изменить ситуацию в России, а наконец-то уже взялись за дело (можно вспомнить и противопоставление Ярославля и ярослав-

цев в более позднем стихотворении «Ярославлю»).

При этом публицистическая идея все равно остается в стихотворениях А. Ф. Иванова-Классика несколько «туманной». В произведении «Весенние мелодии» в начале дается развернутое живописное описание «леса дремучего»:

Вот она, о, глушь лесная!
И до ней дошел луч света!
Здесь все та же дичь родная,
Та же гниль заповедная,
Та же зелень пустоцвета,
Соловьи игривой трелью
Сердце юное щекочут,
Муравьи под старой елью
В муравейнике хлопочут;
На болоте, в честь Зевеса,
Мирно квакают лягушки,
И кукуют в чаще леса

Бесприютные кукушки [Иванов, 1873, с. 115]!

Далее в тексте сталкиваются две авторские интенции: с одной стороны, лирической герой с «юным сердцем» радуется тому, что оставил «город скучный» и в «лирическом припадке долго по лесу» [4: с.115] блуждает, наблюдая за жиз-

нью родной природы, с другой, – его песнь, которая становится все «звучней и краше», о том:

Как близка к родной природе
Жизнь общественная наша!
Как близка к ней наша пресса,
На пути своем развитья! <...>
Есть у нас свои лягушки,
Мне их кваканье знакомо,
И элегию кукушки

У себя слышал я дома [Иванов, 1873, с. 116].

Состояние лирического героя уже получает совершенно иную мотивацию – «И у нас не меньше дичи»:

Я дрожу как в лихорадке,
От восторга таю, таю...

И в лирическом припадке

Снова по лесу блуждаю [Иванов, 1873, с. 116].

Кроме того, образ «родной земли», который становится от сборника к сборнику все менее частотным, настойчиво сочетается поэтом с новыми образами (матери и сестры), связанными уже с христианскими мотивами, и в произведениях начинает звучать новая задушевная интонация:

...И больно, и грустно, и радостно мне,
Навеянной думы картина знакома, –
Картина – надежды, покоя, любви,
Как будто я снова среди отчего дома <...>
Крестом осенивши меня над кроваткой,
Уходит родная, – я знаю, она
На утро мне елку готовит украдкой,
И детская думка восторгов полна [Иванов, 1882, с. 5].

В позднем сборнике «Веселый попутчик» уже очевидна трансформация образа «родной земли», вместо традиционных деревенских реалий мы видим развернутое обращение к городу в стихотворении «Ярославлю», которое открывается следующими строками.

Привет красавцу Ярославлю,
Привет родному земляку!
Его красу я в песнях славлю,
И бью челом я старику! [Иванов, 1889, с. 244]

Среди топонимических реалий в тексте появится не только река Волга, но и Которосль, город Ростов, почему-то названный «полудиким» [Иванов, 1889, с. 245]. Упомянет поэт и о журнале «Уединенный пошехонец», сопроводив эту строку примечанием: «В Ярославле в 1786 и 1787 гг. издавался первый журнал “Уединенный пошехонец”, теперь же не издается ни одной общественной газеты». В этом тексте Ярославль предстает перед читателями прежде всего как город, который «не мало горя злого перенес от бед лихих» [Иванов, 1889, с. 244], который в былые годы был причастен ко многим героическим и трагическим событиям русской истории – битве на Куликовом поле, восстанию Минина и Пожарского – а теперь в нем «жизнь общественная вяло еле движется вперед», «и лелея в идеалах жажду личных барышей» [Иванов, 1889, с. 247], он «только спит на капиталах современных торгашей» [Иванов, 1889,

с. 247]. Еще резче эта мысль выражена в строках: «Ярославль – все тот, как прежде, ярославцы же – нете» [Иванов, 1889, с. 246]. Однако справедливости ради стоит сказать, что единственное стихотворение, в котором поэт говорит о роли ярославского края в истории.

Стоит сразу отметить, что упоминание в произведениях А. Ф. Иванова-Классика реки Волги далеко не всегда будет связано с собственно ярославскими реалиями. В итоговом сборнике «Стихотворения» подряд идут два текста – «Волжская пристань» и «На Волге». И если в первом из них мы еще можем узнать отдельные признаки пристани в Угличе, где пароходы раньше приставали прямо к базарной площади:

...Гудит свисток, и пароход,
Лениво сделав оборот,
Подходит к берегу... По склону
Полуразрушенной горы,
Через песчаные бугры,
К спокойно тихому затону
Ползут возы. Полдненный жар
Палит. На месте остановки

Грузят товар, кипит базар...
[Иванов, 1891, с. 91] –

то во втором уже очень трудно узнать «ярославские» реалии:

В блеске чудной панорамы,
Где склонились небеса,
Переходят села, храмы,
И долины, и леса,
Дебри дикие, пустые,
Величавые суда,

Степи, нивы золотые,
Устья рек и города.
Восстает в своих туманах
Гор громадных силуэт,
Где лежит на великанах
Старины глубокой след... [Иванов, 1891, с. 92]

«Гор громадных силуэт», как и «знакомые перекаты Волги-матушки реки» вряд ли можно соотнести с ландшафтом Ярославской губернии. Кстати, у нас нет сведений о том, что поэт посещал Любимский уезд уже во взрослом возрасте, известно только о предпринятом им путешествии по Волге, когда он проезжал и мимо Ярославля.

Итак, образ «родной земли» в лирике А. Ф. Иванова-Классика представлен нам как живописный в целом ряде произведений. Частотными являются упоминания таких реалий, как деревенские избы, «дремучие» леса, «пыльные» дороги с «чахлыми» кустами, поля и т. д. Они не акцентируют внимание читателя на образе «малой родины», а, наоборот, создают типичный образ крестьянской Руси, характерный для демократической поэзии этого периода. И только по-

стоянное обращение к образу крестьян-отходников, имеющее автобиографическую природу, выделяет поэзию А. Ф. Иванова-Классика на фоне его современников.

В позднем творчестве Иванова-Классика уже образ Ярославля, Ярославского края в целом становится знаком «родной земли», но при всей частотности упоминаний о родном крае, они практически не «обрастают» автобиографическими подробностями: в тех текстах, где появляются упоминания о родственниках, нет отсылок к конкретному локусу.

Не менее частотным является вовлечение природных образов в аллегорическое изображение современной поэту общественной жизни – тенденция, характерная для демократической поэзии данного периода в целом, так как она связана с их эстетическими представлениями о героическом. В поэзии А. Ф. Иванова-Классика неудачность большинства аллегорий можно объяснить отсутствием общего эмоционального фона: нейтральный фон неожиданно для читателя дополняется героическим пафосом.

Библиографический список

1. Бурчак В. П. Аллегория и ее функции в русской поэзии 1870-х годов: по опубликованным и запрещенным стихам журнала «Дело»: диссертация... кандидата филолог. наук. Новокузнецк, 1998. 208 с.
2. Гиппиус В. В. Некрасов в истории русской поэзии XIX века // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока / Отв. ред. Г. М. Фридендер. Москва, Ленинград: Наука, 1966. С. 225–275.

3. Дмитриенко А. Мнимый Хармс // Авангард и идеология: русские примеры / Ред.-сост. К. Ичин. Белград: Филологический факультет Белградского университета, 2009. С. 488–491.
4. Иванов А. Ф. Песни Классика: Думы и юморист. Стихотворения. Санкт-Петербург : Издание книгопродавца К. Н. Плотникова, 1873. 328, VII с.
5. Иванов А. Ф. Веселый попутчик: Письма с дороги, заметки на лету, картинки из путевых воспоминаний и дорож. песни. Санкт-Петербург : А. С. Суворин, 1889. 248 с.
6. Иванов А. Ф. На рассвете: Новые песни, сатиры, юморист. стихотворения и куплеты. Санкт-Петербург : Типография Д. Д. Федорова, 1882. 406 с.
7. Иванов А.Ф. Стихотворения. Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, 1891. 186 с.
8. Иванов-Классик Алексей Федорович // Большая советская энциклопедия: сайт. URL: <http://www.iobabooks.com/i/ivanov-klassik-aleksey-fedorovich>. (Дата обращения: 20.05.2020).
9. Курочкин В. С. Стихотворения. Статьи. Фельетоны / Подгот. текста, вступ. ст. и прим. И. Ямпольского. Москва : Гослитиздат, 1957. 714 с.
10. Лейкин Н. А. Мои воспоминания // История Петербурга. 2003. № 6–16. С. 11–16.
11. Москвин В. П. Русская метафора: семантическая, структурная, функциональная классификация: учебное пособие к спецкурсу по стилистике. Волгоград : Перемена, 1997. 91 с.
12. Скроботов Н. А. «Петербургский листок» за тридцать пять лет. 1864–1899. Санкт-Петербург : тип. АО тип. дела в Санкт-Петербург : Герольд, 1914. 108 с.
13. Срезневский В. И. Хороший человек. Л.Л. Леонидов // БИРЮЧ Петроградских Государственных театров. 1921. Сб. 2. С. 223–226.
14. Шакиров С. М. Мотив дороги как парадигма русской лирики XIX–XX вв. Магнитогорск, 2001. 196 с.
15. Языков Д. Д. Материалы для «Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц». Вып 14: (Русские писатели и писательницы, умершие в 1894 году) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Москва : Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. [Т.] 1. С. 262–316.

Reference List

1. Burchak V. P. Allegorija i ee funkcii v russkoj poeziji 1870-h godov: po opublikovannym i zapreshhennym stiham zhurnala «Delo» = Allegory and its function in Russian poetry of 1870-s: based on published and prohibited poems of the journal "Delo": dissertacija... kandidata filolog. nauk. Novokuzneck, 1998. 208 s.
2. Gippius V. V. Nekrasov v istorii russkoj poeziji XIX veka = Nekrasov in the history of Russian poetry of XIX c. // Gippius V. V. Ot Pushkina do Bloka / Otv. red. G. M. Fridlender. Moskva, Leningrad : Nauka, 1966. S. 225–275.
3. Dmitrienko A. Mnimyj Harms = Imaginary Harms // Avangard i ideologija: russkie primery / Red.-sost. K. Ichin. Belgrad: Filologičeskij fakul'tet Belgradskogo universiteta, 2009. S. 488–491.

4. Ivanov A. F. Pesni Klassika: Dumy i jumorist. Stihotvorenija = Classic's songs: Thoughts and humorist . Poems. Sankt-Peterburg : Izdanie knigoprodavca K. N. Plotnikova, 1873. 328, VII s.
5. Ivanov A. F. Veselyj poputchik: Pis'ma s dorogi, zametki na letu, kartinki iz putevyh vospominanij i dorozh. Pesni = Cheerful companion : Letters from the journey, quick notes, pictures from travel memories and songs. Sankt-Peterburg : A. S. Suvorin, 1889. 248 s.
6. Ivanov A. F. Na rassvete: Novye pesni, satiry, jumorist. stihotvorenija i kuplety = At the dawn: New songs, satire, humorist, poems and couplets. Sankt-Peterburg : Tipografija D. D. Fedorova, 1882. 406 s.
7. Ivanov A.F. Stihotvorenija = Poems. Sankt-Peterburg: tip. V. Bezobrazova i K°, 1891. 186 s.
8. Ivanov-Klassik Aleksej Fedorovich = Ivanov-Classic Alexey Fedorovich // Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija: sajt. URL: <http://www.iobabooks.com/i/ivanov-klassik-aleksej-fedorovich>. (Data obrashhenija: 20.05.2020).
9. Kurochkin V. S. Stihotvorenija. Stat'i. Fel'etony = Poems. Articles. Feuilleton / Podgot. teksta, vstup. st. i prim. I. Jampol'skogo. Moskva : Goslitiz-dat, 1957. 714 s.
10. Lejkin N. A. Moi vospominanija = My memories // Istorija Peterburga. 2003. № 6–16. S. 11–16.
11. Moskvina V. P. Russkaja metafora: semanticheskaja, strukturnaja, funkcional'naja klassifikacija = Russian metaphor : semantic, structural, functional classification : uchebnoe posobie k speckursu po stilistike. Volgograd : Peremena, 1997. 91 s.
12. Skrobotov N. A. «Peterburgskij listok» za tridcat' pjat' let. 1864–1899 = "Peterburg leaflet" for thirty-five years. 1864-1899. Sankt-Peterburg : tip. AO tip. dela v Sankt-Peterburg : Gerol'd, 1914. 108 s.
13. Sreznevskij V. I. Horoshij chelovek. L. L. Leonidov = A good man. L. L. Leonidov // BIRJuCh Petrogradskih Gosudarstvennyh teatrov. 1921. Sb. 2. S. 223–226.
14. Shakirov S. M. Motiv dorogi kak paradigma russkoj liriki XIX–XX vekov = The motive of travelling as a paradigm of Russian lyrics of XIX-XX c. Magnitogorsk, 2001. 196 s.
15. Jazykov D. D. Materialy dlja «Obzora zhizni i sochinenij russkih pisatelej i pisatel'nic». Vyp 14: (Russkie pisateli i pisatel'nicy, umershie v 1894 godu) = Materials for "The review of life and works of Russian male and female writers". Issue 14: (Russian male and female writers, died in 1894) // Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv.: Al'manah. Moskva : Studija TRITJe: Ros. Arhiv, 1994. [T.] 1. S. 262–316.